

СЕРГЕЯ В. ЖИЛЯКОВ¹
НИУ БЕЛГУ
г. Белгород, Россия

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ОБЪЕКТОВ КАК ПРОБЛЕМА ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОГО ПОНИМАНИЯ

АННОТАЦИЯ. В статье предлагается рассмотрение метода интерпретации культурно-исторических объектов в рамках герменевтического подхода. Раскрываются две диаметрально противоположные стратегии понимания: объективное осмысление, требующее минимального вмешательства в объект исследования при всей невозможности «внеличностного» его изучения и субъективная направленность исследовательского взгляда, допускающая минимального присутствия субъекта в поле объекта исследования при максимальной сохранности его автономии и независимости. Делается вывод о диалектическом дополнении этих двух принципов в нормальном состоянии исследовательского процесса. Важный акцент ставится на вычленении объекта из культурно-исторического контекста, не нарушая при этом его естественной связи с ним (горизонт осмысления). Даются рекомендации методологического характера, ведущие к наиболее полному и достоверному пониманию культурно-исторических объектов в фокусе доминирования интерпретационного начала в рамках герменевтического исследования.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Интерпретация, «историческая материя», «жизненное», иррациональность, имажинативный, феномен, «диалогизм».

¹ szhil@list.ru

Рад је примљен 15. октобра 2015, а прихваћен за објављивање на састанку Редакције Зборника одржаном 22. августа 2016.

При всех имеющихся научных успехах нашего времени в области техники и естествознания, медицине и астрономии остается открытым вопрос о самом, пожалуй, насущном – понимании исторической действительности в рамках как отдельных исторических эпох и периодов, так и целых аспектов теоретического осмысления самой природы понимания, его методов, структуры понимания, телеологии понимания – в их привязке к «исторической материи». Острота этой проблемы усиливается, если в ней видеть помимо стандартизированных проблем (например, связанных с недостатком источников), универсальную распространенность практически на все зоны человеческого существования, отрасли и сферы жизнедеятельности.

Общими теоретическими проблемами понимания и истолкования доступной информации занимается герменевтика, имеющая собственную прочно сложившуюся историческую традицию. Венцом ее прогрессивного развития, безусловно, является XX век, давший такие имена, как В. Виндельбанд, М. Хайдеггер, Х.-Г. Гадамер, М. Бахтин, Р. Барт и др.

История в качестве сферы жизненного социокультурного процессуального феномена в отличии, скажем, от предметного мира предстоит нам не как некая застывшая картина действительности, а скорее, как активное кипучее энергичное начало, результаты событий которого видны и ощутимы в далеком будущем. В этом и заключается сложность понимания истории, целых культурных эпох и изучения культурно-исторических объектов, поскольку, «что является жизненным... в действительности никогда по-настоящему не познается предметным сознанием, напряжением разума, который стремится проникнуть в закон явлений. Жизненное — не такого свойства, чтобы можно было извне достичь постижения жизненности. Напротив, единственный способ постичь жизненное — это постичь его изнутри» (Гадамер, 1988, с. 304), путем совершения интровертивного экзистенциального погружения.

Такому пониманию «жизненного» специфика истории способствует также внутреннее его восприятие, прежде всего методом доверительного диалога с ним. Образцы этого, по нашему мнению, даны, например, в литературе, интуитивно-чувственно всматривающейся в общество, жизнь отдельного человека.

Хотя литература и искусство большей частью и ориентированы к иррациональному осмыслению действительности, способствуют интимно близкому постижению исторических событий, и

если даже историю, как предмет познания, можно исследовать в с большим успехом приобретения достоверного знания в аспекте восприятия летописно-повествовательной традиции, отражающей ее, все же необходимо признать и допустить правомочность наличия определенной доли рационализма, например, в попытке разместить и упорядочить разрозненные исторические периоды в общей картине действительности прошлого (построить периодизацию, найдя целесообразность казалось бы разобщенным историческим событиям). Несмотря на то, что, согласно В. фон Гумбольдту, уразумение исторических периодов, последовательность их – всего лишь умозрительная спекуляция ученого, наблюдателя очевидца, – не более того. Без субъективизма тоже трудно обойтись: ведь история – жизнь субъектов, а исследователь, по наблюдению Х.-Г. Гадамера, не способен отступить от предрассудков времени, в котором он живет. Эти предубеждения связывают с самого начала его взыскующий разум традицией, некоторыми принятыми в обществе нормами распределения ролей, обязательств перед историей, своего места в обществе (Гадамер, 1988, с. 329–338). Важно отделить предрассудки от истинного познания. И здесь в дело вступает психология.

Познать действия «субъектов», их социальную коммуникацию, все жизненные перипетии, переживания, намерения – значит, в какой-то степени проникнуться психологией людей анализируемой эпохи, вжиться в их душу, эмпатироваться в их внутренний настрой.

Осознание историчности всякого текста, как отклика на событие в прошлом, и историчности самого интерпретатора, как личности, ставят последнего неизбежно в позицию участника диалога, строящегося по принципу: текст-интерпретатор. Согласно Гадамеру, «к истине исследователь должен идти, ведя постоянный перманентный диалог с «текстом», с окружающим сегодняшним миром и миром истории» (Гадамер, 1988, с. 17), к истине, реализующейся в условиях диалога.

В связи с этим перед интерпретатором (читателем) стоит своего рода первоочередная задача – войти в общий исторический горизонт с автором текста, сблизиться, «взаимопроникнуться» с ним пространством и временем события, зафиксированного автором, переписчиком и документалистом. Именно на таком условии и зиждется понимание у Гадамера:

«Лишь осознание интерпретатором собственной исторической обусловленности, проникновение в историческую ситу-

ацию, подлежащую пониманию, – указывает он, – способствует преодолению как его собственной партикулярности, так и партикулярности текста, приводит истолкователя к образованию нового, более общего, более широкого, более глубокого «горизонта»» (Гадамер, 1988, с. 15).

Как мы понимаем, субъективность уже предзадана, по словам философа. Это обстоятельство заставляет увидеть в противоположении интерпретатора и автора текста отношения субъекто-субъектные, а сам текст определить, как «поле напряжения». Кроме прочего, сами исторические и литературные объекты могут быть подвержены оцениванию со стороны, то есть «чистой субъективации». В этом случае они вынуждены, будто бы, претерпевать относительные изменения своих феноменов (а объекты, несомненно, только являются нам, представлены как некая длительность и объемность мышления) в фокусе аксиологической тенденции наблюдаемого за ними и воспроизводящих их в сознании. Поэтому это дало повод В. Виндельбанду думать, что в «науках о духе», к каковым относится история, необходимо применим метод оценивания событий, объектов, процессов и т.д.

В связи с этим, находясь в статусе интерпретатора, мы вынуждены придавать рассредоточенным фактам реальности целсообразность и смысл, а за этим не просто просматривается стремление навязать свою рациональную волю и закономерность какому-то событиям, происшедшим тем более давно, в далеком прошлом, а скорее желание увидеть историю как череду событий, обусловленную определенной общностью и единством принципов, пронизывающих процесс развития истории. Такая позиция отчасти сходна с той, на которой нарочито настаивает К. Поппер, с тем разве отличием, что, по его убеждению, субъективизм исторической интерпретации мотивирован политической борьбой идей и верой в иллюзорное будущее, условно начертанное в смутных утопических идеях, что история сама по себе не имеет смысла, что она навязана идеологической конфронтацией, ангажирована политическими установками. Приведем его категоричную максиму по этому поводу: «Я утверждаю, что история не имеет смысла. ... Ведь мы можем интерпретировать историю, исходя из тех проблем политической власти, которые мы пытаемся решить в наше время. Мы можем интерпретировать историю политической власти с точки зрения нашей борьбы за открытое общество, за власть разума, за справедливость, свободу, равенс-

тво и за предотвращение международных преступлений. Хотя история не имеет цели, мы можем навязывать ей свои цели, и, хотя история не имеет смысла, мы можем придать ей смысл» (Поппер, 1992, с. 320).

Разумеется, нет такого прямого инструмента и «чудесного» метода, с помощью которого можно было бы безошибочно идеально анализировать историческую «материю», тем более, что такая материя вовсе не материальна, скорее ускользающе материальна, якобы материальна. Тексты летописно-повествовательной традиции сами по себе ничего не проясняют. Наивность и простота, с которой летописец подходит к описанию событий порою поражает нас читателей.

Вглядываться в текст можно тоже до бесконечности, созерцать его художественное пространство, восторгаться его художественными красотами, не улавливая при этом ни малейшего идейного смысла, а лишь представлять исторический фон, антураж события и ситуации. В таком случае только опора на какие-то культурные универсалии, мотивы определенного периода литературы, категории соответствующего времени могут сослужить службу: помочь понять, что скрывается за покрывалом смыслов, например, текстов древнерусской литературы, для чего они писались, переписывались и почему одним событиям уделено значительное место, а другие довольствуются эскизными набросками, упоминаниями вскользь.

Еще И. Кант писал: «В самом деле, законы существуют не в явлениях, а только в отношении к субъекту, которому явления присущи, поскольку он обладает рассудком, точно так же как явления существуют не сами по себе, а только в отношении к тому же существу, поскольку оно имеет чувства» (Кант, 2007, с. 149). Ему вторил и Э. Трёльч. По замечанию последнего, целостность исторического процесса продуцируется в мышлении исследователя и предстают как феномены сознания, «при этом нельзя забывать, в какой степени все это – отбор, формирование и образ переживания действительности – есть прежде всего существующее для нашего мышления постигаемое смысловое единство» (Трёльч, 1994, с. 32).

Выходит, объекты исторического, да и иного мира существуют как бы для того, чтобы быть изученными, чтобы наблюдатель им придал некую завершённую смысловую формулу, наложил на них отпечаток мысли и привел их в форму закономерностей. Следовательно, ни субъективизм, ни объективизм, ни интуити-

визм в чистом отдельном виде не могут претендовать на истинность в исследовании исторических феноменов по причине их релятивности. А доказательством последней служит как минимум наличие связей, горизонта восприятия, феноменальной представленности и «увиденности» вещи. В связи с этим актуализируется метод диалогической связи между субъектом и исторической ситуацией (исторической действительности) и, может быть, в большей степени становится верифицированным. Нам представляется, с этой точки зрения, одними из самых глубоких и проникновенных открытий в области методологии гуманитарных наук и направления «диалогизма» являются исследования М. Бахтина и Х.-Г. Гадамера. Знаменательно то, что в общих представлениях их основные идеи сопряжены, практически едины.

Наглядно проблему понимания в коммуникативном аспекте представил М.М. Бахтин. Мысль, оформленная, артикулируемая и разрешаемая речевым высказыванием, пульсирует в диалоге двух говорящих и образует жанр. Атрибутами жанра являются тема, стиль и ситуация высказывания. Согласно Бахтину, мир понимается через призму жанра, который ориентирует человека в его существовании. Жанр как конкретное речевое высказывание задан координатами времени, пространства и места. Жанр – это центр триады, два других элемента которой – локус и хронотоп, являются константными жанровыми атрибуциями (Щукин, 1997). Отсюда следует, что каждый жанр уникален и неповторим, но также имеет типизацию, поскольку возникают типичные ситуации, обусловленные изначально одинаковыми обстоятельствами, конституированными изоморфными локусами и хронотопами высказываний, определяемые в свою очередь исторической ситуацией. Чтобы понимать жанр необходимо учитывать всю структуру и цепочку диалога от адресанта через высказывание к адресату. Однако тут же возникает проблема, если не с интерпретацией самого высказывания, то с тем, насколько оно верно и полно отражает действительное положение дел. Впрочем, высказывание, состоящее из ресурсов языка, является в определенной мере артефактом, вещественным доказательством смысла события и мысли о бытии и его составляющих. Таким образом, отпечатки реальности могут запечатлеться в высказывании-жанре, строящемся по определенным законам языка того времени, которое его продуцирует. Эти следы только нужно обнаружить и понять.

Согласно Х.-Г. Гадамеру, бытие человека обретает подлинный полноценный смысл только в понимании мира, которое осуществляется с помощью языка – модуса реальности, отображенной в нем и вобравшей осмысленность человеческой экзистенции. Среди магистральных характеристик бытия и мышления человека философ называет время, место и ситуативность. Невозможно не увидеть чисто бахтинскую идею в этих трех компонентах, характеризующих категорию жанра и реализующих на практике свое смылосодержательное комплексное концептуальное единство только в нем, жанре. Перекликаются обе концепции еще в том, что полнота понимания осуществляется только в диалоге, альтернативно заменяющим диктат пророческого монологизма. Один никак не способен знать истины. Диалог – это путь постижения вечно пульсирующей между его текстуальными рамками истины. Диалог – это общение в рамках одного и того же жанра, разница позиций (ситуаций речевого общения) говорящего и отвечающего в том лишь, что первый задает жанр, другому же не приходится ничего делать, кроме, как отвечать по законам того же жанра. В диалоге, наконец, тотально очерчивается граница «Я»-«Другой», «Другой» есть свидетель, обуславливающий гарантию подлинного высказывания «Я», также как «Я» свидетельствует о действительном высказывании «Другого». Здесь соблюдены, что очень важно, правило справедливости, неоднородности истины и паритета соглашения. Хотя субъект, задающий жанр, стоит уже изначально в позиции получателя ответа, а значит, в определенной степени предвосхищает сам ответ (Бахтин, 1997, с. 201). Эта внутрижанровая игра-состяжание и составляет смысл развития культуры. Того, кто лучше способен выдержать жанровый канон, кто лучше способен высказаться на одну и ту же тему в рамках одного и того же жанра, время награждает памятью в потомках (Аверинцев, 1989). Но вернемся снова к поиску оптимальной методологии исследования культурно-исторических объектов. Предложим несколько своих требований-условий, позволяющих при опоре на них углубить видение перспективы историко-культурной методологии, в которой под культурными объектами понимаются не только формы материальных или духовных производимых продуктов, а концепт восприятия самой истории (история в истории) посредством определенной модели выстраивания отношений между народом – «жизненной силой», желающей сконструировать диалог с Абсолютом (Промыслом) в целях получения разрешения на ис-

полнение своей исторической роли. Мы имеем в виду развитие исторического самосознания и саморефлектирования через общение с Создателем. В этих обстоятельствах, как мы понимаем, необходимо учитывать следующие условия:

- 1) акцентирование большего внимания на свойстве объекта понимания, его феноменологической характеристике (как он перед нами предстает, точнее, как он предстал перед людьми той или иной эпохи) посредством «расположенности» в модусе восприятия;
- 2) всю совокупность «ближайшего окружения» объекта (структура и функции связи второстепенных, так сказать, внешних объектов с приоритетным объектом может пролить свет на последний), с которым тот входит в процессуальное единство. И осознание того, что каждая вещь действительности вступает в необыкновенный причудливый диалог с другими вещами и явлениями (то есть, все процессуально взаимосвязано). Историческое исследование состоит, поэтому, из вещей и феноменов и «из их созерцаемого единства и сочетания в большее или меньшее исторически значимое жизненное целое. Именно поэтому основы исторической логики лежат не просто в психологии, хотя психические процессы и составляют ее наиболее важный материал, а в уже наглядно находящихся перед нами соединениях таких процессов, в которые входят и отношения к чистым основам природы, в историческое целое. Подобные соединения не могут быть выведены из психологии, они образуют каждый раз новые, чисто фактически положенные и поэтому предстающие лишь в историческом видении конкретности. А это – прежде всего инстинктивная и только вслед за тем сознательная логическая установка по отношению к предмету, и она не может быть получена из психологии как таковой. В какой степени определять в каждом отдельном случае эту тотальность, следовательно, основополагающий исторический предмет, зависит от постановки вопроса и интереса, вычлняющего свою тему из бесконечной переживаемой действительности. Под этим следует, прежде всего, понимать тех, кто в обычном смысле именуется индивидами или отдельными людьми, выступающими на первый план в эпосе, легенде, биографии и повседневном мышлении» (Трельч, 1994, с. 32). Таким образом, история – есть распутывание переплетенных процессов явлений,

событий, лиц, вещей, которые в свою очередь есть «индивидуальные тотальности» (Э. Трельч) (например, герой, богатырь), находящиеся в поле всеобщей тотальности, представляющем класс родовых тотальностей (например, род, племя, народ, этнос и т.д.), входящих, в конце концов, в универсальную тотальность целой эпохи. Смысл каждой тотальности, входящей в состав всеобщей тотальности, никак не теряется, а всего-навсего преобразуется на новом уровне.

Важно при этом начинать с ярких и «выпуклых» тотальностей (например, событий и личностей, наиболее значимых в истории). Их поиском занимается интуиция, спровоцированная приоритетами интересующих феноменов исследования. Затем неизбежно в этом континууме «тотальностей» возникает между ними, проявленными индивидуациями, специфический диалог, связь, коммуникация. Должно быть при этом учтено следующее: «Речь идет каждый раз о тотальности, которая вследствие своей еще сохраняющейся обозримости и относительной замкнутости может быть вычленена из потока событий и на своих границах более или менее неопределенно растекается в общем потоке происходящего. То, где этой тотальности будут поставлены границы, полностью зависит от исторического такта исследователя. Как ограничение определенных отрезков времени или периодов, так и охват круга предметов субъективны» (Трельч, 1994, с. 32). При этом объективность не просто не отвергается, но необходимо должна присутствовать тогда, когда мы верно расчленяем объект исторического исследования. Проще говоря, когда есть на то необходимая сумма достаточных оснований в самом объекте.

Далее о взаимодействии в истории явлений, вещей, лиц. Разрешением и выстраиванием этого диалога, нахождением принципов, причин и следствий связей, состоящих из соположенных в очерченных исторических пределах феноменов, артикулируемые состояния которых представлены с помощью относительно законченных высказываний (жанров, в смысле М. Бахтина), занимается язык (по Гадамеру, он, язык, в сущности, составляет стихию герменевтического понимания), проговаривающийся автором в речи текстов различного содержания и формы. А так как исследователь в одинаковой мере и интерпретатор этого языка, то в его задачу входит декодировка знаков языков. Это находится в компетенции логико-аналитического метода мышления.

- 3) то, что кроме этого, любое явление, замеченное свидетелем исторического события (автором и его заместителями), вступает в проникновенный интимный диалог с прошлым (традиция) и будущим (ожидание продолжения традиции). М. Бахтиным, эта мысль настоятельно эксплицируется так: «В действительности, повторяем это, всякое высказывание, кроме своего предмета, всегда отвечает (в широком смысле этого слова) в той или иной форме на предшествующие ему чужие высказывания... Но высказывание связано не только с предшествующими, но и с последующими звеньями речевого общения» (Бахтин, 1997, с. 199). Под высказыванием Бахтин понимает жанр, который проникает во взаимодействия с такими же жанрами и составляет некую цепочку жанрового единства, вечного жанрового дискурса.
- 4) что взаимосвязь вещей и явлений, даже если они не вербализованы, может быть поводом для определения их коммуникации, да и их самих как жанр (например, символ есть жанр в той мере, в какой объединяет в себе все вышесказанные жанровые характеристики и имеет типичных двойников, дублеров и маркеров в истории). То есть, специфика демонстрируемого нами жанра расширяет настолько его понятие, что становится универсальным для культуры вообще.
- 5) что в любом случае явление мира **предстает** в нашем мозгу как феномен сознания, который составляет непосредственное восприятие его и обуславливает идеалистический принцип познания (Шопенгауэр, 2005, с. 6–23). С другой стороны, все предметы истории, бывшие в свое время субъективными формами осознания, с очевидностью приобрели независимые статусы, т.е. стали объективными. В методике понимания истории всегда происходит одновременная диалектическая борьба и единство субъективизма и объективизма. Если мы смотрим на мир прошлого глазами летописца, конструктивный принцип эпистемологической дуальности соблюдается тем отчетливее: как бы живой, встрепенувшийся в творческом полете субъективизм (точка зрения автора), накладывается, якобы того не замечая, на объективное состоявшееся анонимное существование исторических реалий, и в результате происходит отсутствие авторства и его смерть (Р. Барт). И здесь просто необходим диалог, нахождение компромисса, достижимого в условиях конвергенции позиций живого, смотрящего со страниц рукописей

автора – наблюдателя описываемых событий, и позиций ушедшего, объективированного тем же текстом бывшего очевидца описываемых событий, который как бы застыл в историческом времени. Кроме того, авторов-участников исторических событий может быть большое количество, каждый из которых по-своему на поверку оказывается прав или во всяком случае претендует на правоту.

Осуществление примирения значительного количества интерпретаций посредством высказывания об историческом предмете и смысла самого события, свершившегося с предметом, создает условие конвенционального подхода. То есть заставляет исследователей договариваться на демократических дискуссионных основаниях принимать общее мнение по какому-либо вопросу. Великолепной попыткой выстроить такую общую точку зрения, линию согласования сторон, учитывающую интересы и стороны субъективизма и объективизма, попыткой предложить компромиссное решение в познании является обнадеживающее предложение К. Поппера видеть согласованность всех позиций в том, «что объективность научных высказываний основана на возможности их интерсубъективной проверки» (Поппер, 1983, с. 68). Увязывается с ним и мнение П.А. Ольхова о конвенциональности, заключенной в своеобразной системе договоренности исследователя и научного сообщества – с одной стороны, с другой же, – исследователя и текста через интимизированные отношения, провокационные мотивы и стремления «разговорить» сам текст (Ольхов, 2014, с. 390).

Все это свидетельствует о том, что мы выступаем в роли третьей стороны, псевдосвидетеля, миротворца, чей взгляд со стороны стремится выверить, апробировать результаты исторических процессов, выстроить причинно-следственные связи и проч. Приблизительная схематическая последовательность операций исследования исторических фигураций следующая. Сначала мы эксплицируем и изымаем из исторического горизонта тотальностей события, в коих фигурирует наш предмет вместе со всеми остальными находящимися с ним в тесных и переплетенных отношениях. Затем пытаемся наш предмет отнести к уже имеющимся и известным в истории. После этого наступает момент деструктуризации (расчленение) предмета на момент обнаружения внутрискруктурных связей, свойств и элементов. Делается предположительный вывод.

- 6) что любая культура обладает какой-то судьбоносной идеей, позволяющей идентифицировать по ее характеру национальный менталитет, со свойственным только ему экзистенциально-онтологическим кодом.
- 7) и, наконец, в исследовании нематериальных исторических объектов методам герменевтики и интерпретации в достижении цели понимания и верного истолкования события может быть предпослан метод представления. Суть его в том, что, находясь в отношении смежности с методом реконструкции, он все же главный акцент ставит на творческом воображении исследователя, стремясь нарисовать ход событий, вовлеченных в участие метафизического мира. Такое представление теснейшим образом опирается на интуитивные данные: по определенному набору фактов ученый пытается выявить закономерный порядок с опорой на уже имеющееся опытное знание о мире. Двигает интуицией, как и отчасти представлением, может быть, существо веры (вспомним о гуманистической направленности философской веры К. Ясперса), которую не в коей мере нельзя отвергать, ибо она, как и культура, антропологична, а значит, имеет такое же право на существование, как и все, что связано с человеком. В положительном смысле для этого «все средства хороши».

Резюмируя нашу рубрикацию условий исследования культурно-исторических объектов, особенно подчеркнем то, что субъективная интерпретация – весьма применимый и продуктивный способ объяснения культурно-исторических событий, включающая и аксиологию, и альтернативные мнения. При всем этом не следует воздерживаться и отрекаться полностью от объективности в изложении исторического материала, применима к которому основная методологическая формула: «писать, как это было на самом деле» (Л. фон Ранке).

Кроме того, необходимо помнить, что многие события, описываемые тем же летописцем, оказываются настолько древними и экстраординарными, что приобретают часто чисто символическую формулировку. Согласно Я. Э. Голосовкеру, поскольку познание наше мотивированно инстинктом интуитивного «имагинативного» восприятия действительности, разукрашивающего все в символические тона (Голосовкер, 2010), то оно должно пониматься через призму символичного. Воздействие символа долговечно и универсально для большинства реципиентов куль-

турных кодов. Символ ярче и шире образа вследствие большего диапазона задействованных для его «производства» средств. Здесь мы встречаемся с результатом деятельности и рассудка, и чувства, и абстрагирования, и эмоции, – и все это предстоит перед нами в органичном целокупном сплетении.

Важнейшей методологической задачей при анализе историко-культурных предметов становится, как мы уже говорили, «выхватывание» эпицентрального события из серийной текучести исторического бытия, поскольку смысл без остановки, если верить Ж. Делезу (Делёз, 1998), скользит по поверхности, переходя из серии в серию исторической кинопанорамы. На помощь здесь приходит именно интуиция, различающая из множества событий то, на которое активно реагирует история и которое своей неординарностью вызывает естественный неподдельный исследовательский интерес.

Между тем, следует повториться о том, что существеннейшую роль, играет «диалогическая» компетенция события, выражаемая через его словесно отраженную фиксацию, обусловленную в свою очередь доминирующими жанровыми «устройствами» (летописями и воинскими повестями), в которых отражено это событие. Без его учета невозможен полноценный исторический анализ.

Таким существенным событием, как будто заурядным, отчетливо неотделимым от эпохи из-за постоянного потакания классической жестко детерминированной причинно-следственной связи в явлениях, якобы наличествующих во всем (в чем может проследиваться влияние пережитков картезианской идеи человека как мыслящей вещи и рациональной философии XIX века), обоснованности набора фактографического материала и проч., является такое, какое объединяет ощущение чувства безвыходности перед бытием, столкновения с неизбежностью, запечатления славы по смерти, самопожертвования как продление метафизической жизни, как предел «использования своей способности открываться навстречу другому» (Марсель, 2004, с. 63), оправдание целесообразности существования перед Богом. Приведем пример начала исследования, согласованного с нашими позициями и тезисами.

Приковывающим к себе внимание событием может служить насильственный переход властных полномочий в Древней Руси от одного князя другому, совершенный, как мы полагаем путем символического жертвоприношения. Этот феномен, как мы уви-

дим далее, является чрезвычайно важным в понимании сущностного восприятия истории и реагирования на нее контексты в определенные периоды, закономерно выстраивающиеся в некую последовательность – исторический процесс Древней Руси.

Для того чтобы приступить к анализу феномена жертвоприношения в культурной истории Древней Руси на примере летописно-повествовательной традиции необходимо сказать, что контекстом этого явления становится религиозный фон средневекового человека, который обретает фактически самый большой жизненно необходимый смысл для него. Жизнь средневекового человека вплетается в этот смысл и находит в нем свое место, параллельные сюжеты, темы.

Таким образом, главное свойство средневекового человека, с которым неотлучно он живет (его жизненная позиция) – это «религиозность» (Л.П. Карсавин).

Религиозность – это мироощущение, мышление и коммуникация в символах, которыми с помощью веры в сверхъестественные силы наделяется окружающая действительность, сакрализуется время и пространство культурного бытия человека. Религиозное мышление, как и светское, просто кишит символами, пропитано «имагинацией», которая, вероятно, и есть начальная стадия постижения действительности, укорененная в человеческой культуре (Голосовкер, 2010), будь то мнимой и иллюзорной или вполне реально эксплицированной перед нашим взглядом и выступающей как очевидная часть здесь-бытия, такая же, как и все окружающее. Выгодно даже говорить не о мышлении о чем-то, а о воображении чего-либо, представлении чего-либо и мировоззрении о чем-либо. То есть всякое постижение действительности, в конечном счете, вероятно, операционно заключено в образостроении (ср.: «Наше познание имеет Образ — это опосредованное звено между Создателем произведения и произведение» (Неретина, 1999, с. 75). В сознании человека окружающий мир имагинативен, но не перестает быть от этого только лишь фантастическим, выдуманным, он становится чем-то вроде собственного освоенного бытия, ибо «мышление о бытии есть способ бытия мыслящего» (Мамардашвили, 2007, с. 86). Фактический мир, в связи с этим, есть выстаиваемый в образной системе комплекс атрибутов, модусов, отношений, протекающих процессов, явлений, свойств, консистенций и интерпретаций, зависящих от взгляда исследователя, поскольку «вещи, какими бы

они ни были, есть всего лишь интерпретации, которые дают тому, что в них обнаруживается» (Ортега-и-Гассет, 2000, с. 457).

Одним из ярко насыщенных и мощных по силе воздействия образов, если быть точным, метаобразов, сверхобразов является символ, универсальный и многослойный инструмент эстетического восприятия мира. Символ есть продукт интуитивного познания, поскольку связь между элементами его структуры держатся на суггестии, довольно фривольных ассоциациях. Интуиция к тому же, есть верный способ постижения воображаемого. Она является управляющим инстинктом воображения, иницирующим творческий процесс – художественный, научный – все равно. Воображение – совершенный мотив человеческой психики, оно руководит подчас волевыми актами, самовнушением, если верить проискам физиологов (Голосовкер, 2010, с. 82, 83).

Таким образом, в герменевтике подход, приводящий к желаемому и достоверному результату – это тот, который учитывает и субъективные методологические установки (интерпретация, конвенция, «диалогизм», воображение) и объективные (сравнение, анализ, синтез) и т.д.

-
- ЛИТЕРАТУРА Аверинцев, С.С. (1989). Жанр как абстракция и жанры как реальность: диалектика замкнутости и разомкнутости. В: *Взаимность и взаимовлияние жанров в развитии античной литературы* (с. 3–25). М.
- Бахтин, М.М. (1997). «Проблема речевых жанров». В М.М. Бахтин, *Собрание соч. в 7 т. Т. 5. Работы 1940–1960 гг.* М.: «Русские словари».
- Гадамер, Х.-Г. (1988). *Истина и метод: Основы филос. герменевтики* (пер., общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова). М.: Прогресс.
- Голосовкер, Я. Э. (2010). *Избранное. Логика мифа*. М.: Центр гуманитарных инициатив.
- Делёз, Ж. (1998). *Логика смысла*. М.: Раритет, Деловая книга.
- Кант, И. (2007). *Критика чистого разума* (Пер. Н. Лосского сверен и отредактирован Ц. Г. Арзаканяном и М. И. Иткиным; примеч. Ц. Г. Арзаканяна). М.: Изд-во Эксмо.
- Мамардашвили, М. (2012). *Очерк современной европейской философии*. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус.
- Марсель, Г. (2004). *Опыт конкретной философии* (пер. В.П. Большакова и В.П. Визгина). М.: Республика.
- Неретина С.С. (1999). *Тропы и концепты*. М.: ИФ РАН.

Ольхов, П.А. (2014). Конвенции в историческом познании. В: Б. И. Пружинина, Т. Г. Щедриной (ред.), *Современные методологические стратегии: Интерпретация. Конвенция. Перевод. Коллективная монография* (с. 381–401). М.: Политическая энциклопедия.

Ортега-и-Гассет, Х. (2000). *История как система. Избранные труды* (пер., предислов. и коммент. А.М. Руткевич). М.: Весь мир.

Поппер, К. (1983). Логика научного исследования. В: *Логика и рост научного знания: Избранные работы* (пер. В.Н. Садовского). М.: «Прогресс».

Поппер, К. (1992). *Открытое общество и его враги. Т. 2: Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы* (пер. В. Н. Садовского). М.: Феникс, Международный фонд «Культурная инициатива».

Трёлч, Э. (1994). *Историзм и его проблемы. Логическая проблема философии истории*. М.: Юрист.

Шопенгауэр, А. (2005). *Мир как воля и представление* (пер. Ю. И. Айхенвальд). Мн.: Харвест.

Шукин, В.Г. (1997). «Социокультурное пространство и проблема жанра». *Вопросы философии*, №6, с. 69–79.

SERGEI V. ZHILYAKOV
SRU BSU, BELGOROD
RUSSIA

SUMMARY

THE INTERPRETATION OF CULTURAL AND HISTORICAL OBJECTS
AS A PROBLEM OF HERMENEUTICAL UNDERSTANDING

The article proposes a method review of cultural and historical objects interpretation in the framework of the hermeneutical approach. It uncovered two diametrically opposite comprehension strategies: an objective judgment that demand minimum intervention in the research object for all the impossibility of „impersonal” its study and personal orientation of researching view, allowing a minimum subject’s presence of the study with maximum preservation of its autonomy and independence. The conclusion of the dialectical addition of these two principles in the normal state of the research process is making. An important emphasis is placed on the isolation of the object by cultural and historical context, while nondisturbing its natural connection with it (horizon comprehension). methodological recommendations are leading to the most complete and reliable understanding of the cultural and historical objects into the focus of the start interpretive dominance within hermeneutical studies.

KEY WORDS: Interpretation, «historical matter», «vital», irrationalism, imaginative phenomenon, «dialogism».